

В течение нескольких лет после возвращения в Россию Васильевский испытывал серьезные материальные лишения и затруднения с устройством на работу: публикация магистерской диссертации затягивалась, а вместе с тем и ее защита и зачисление в состав преподавателей университета. Во второй половине 60-х годов ему пришлось работать в Вильне. Только в 1870 г., после защиты диссертации, он был принят на работу в университет, и с тех пор до конца его жизнь была связана с историко-филологическим факультетом, а научные занятия – исследованиями по истории Византии.

Первый спецкурс, прочитанный Васильевским, был посвящен обозрению источников по истории крестовых походов. Аспект изучения темы (и ее изложения студентам) был избран таким образом, что в центре внимания ученого оказывались Византия и страны и народы Восточной Европы и Балканского полуострова. О глубине разработки темы свидетельствует тот факт, что уже в 1872 г. вышло в свет первое крупное византиноведческое исследование Васильевского “Византия и печенеги”⁴, освещавшее проблему с совершенно неожиданной для ученой публики стороны и привлекавшее к себе внимание широтой постановки проблемы, установлением новых, важнейших факторов, объясняющих причины и следствия Первого крестового похода (факторов, вообще ранее выпадавших из поля зрения ученых), совершенным знанием источников, мастерством их критики и интерпретации и строгостью логики в развитии темы.

Данная работа Васильевского свидетельствовала о нем как о полностью сложившемся ученом, с твердыми убеждениями, с устойчивыми взглядами на природу общественных и политических явлений (в том числе современной ему эпохи), с собственными представлениями о месте исторических знаний в системе духовных ценностей, со своей исследовательской манерой, приемами источниковедческого анализа и историографической критики. Мало того, знакомство с его отчетом о заграничной поездке⁵ и первым научным трудом (магистерской диссертацией) позволяет заключить, что это (что обычно приходит к молодому ученому после более или менее длительного периода поиска, проб и ошибок) было присуще Васильевскому уже к середине 60-х годов. И более того, знакомство с научным наследием исследователя вплоть до его последних работ убеждает в том, что, как ни расширялся с годами его кругозор, главным принципам, идейным, научным и нравственным установкам своей молодости Васильевский не изменял всю жизнь.

Поскольку общетеоретические воззрения Васильевского и методологические принципы его исследовательской работы в той или иной степени отражались на его научном творчестве, представляется целесообразным, не претендуя на полноту и основательность, кратко упомянуть о них, прежде чем останавливаться на выдвинутых им концепциях и на его научно-организационной деятельности в качестве главы Санкт-Петербургского византиноведческого центра.

Наиболее близким ему по своим общефилософским взглядам сам Васильевский считал французского философа-религиоведа Э.Ж. Ренана (1823–1892), но решительно отказывался причислять себя к приверженцам какой-либо конкретной философской доктрины. Да и сам он вряд ли всерьез размышлял на эту тему. Решительно отказываясь в пользу науки, как в молодые годы, так и в зрелом возрасте, от участия в каких бы то ни было политически ориентированных обществах и кружках, он писал своему другу и сокурснику В.И. Модестову: “Я думаю, что у меня нет никаких убеж-

⁴ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 162. С. 116–165, 243–332. (Далее: *Он же.* Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 1–175).

⁵ Причисленного к министерству Василья Васильевского отчет о новых сочинениях по римской истории // ЖМНП. 1864. Ч. 121.